

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В46

Компьютерный дизайн обложки
Екатерины Ферез

Вильмонт, Екатерина Николаевна.

В46 Мужлан и флейтистка / Екатерина Вильмонт. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Про жизнь и про любовь: Екатерина Вильмонт).

ISBN 978-5-17-118947-1

Федор Федорович Свиридов весьма успешный и удачливый человек, но чудовищно одинокий. Потеряв в одночасье почти все — дом, семью, где осталась любимая дочка, — он берет к себе осиротевшего пса по кличке Апельсиныч. И вот встретились два одиночества и беззаветно друг друга полюбили. Но в жизни Федора Федоровича появляется прелестная флейтистка...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-118947-1

© Е. Вильмонт, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Глава первая

— Федор Федорович у себя?

— У себя, — кивнула секретарша.

— Принимает?

— Нет.

— Натуля, мне по личному делу буквально на три минутки!

Секретарша опять кивнула.

— Попробую. Федор Федорович, к вам Юрий Викторович по личному делу на три минутки.

— Хорошо. Приму.

Юрий Викторович поспешно открыл дверь кабинета.

— Федор Федорович, прости, что я так...

— Да ладно, Юра, я рад тебя видеть. Что случилось?

— Федор Федорыч, ты когда в Москву?

— Да завтра, с утра.

— Просьба у меня нижайшая. Я только позавчера узнал, что в Москве умер мой старый друг. Умер уж почти год назад, а я не знал. Такая жизнь собачья... Все некогда...

— Так в чем просьба-то?

— Можешь передать его матери деньги? Я когда-то... вернее, мы в юности поклялись, что если кто-то из нас помрет, другой, чем сможет, поможет матери. Времена такие были...

— Святое дело!

— Вот конверт. Здесь десять тысяч долларов.

— Щедро!

— Сам же говоришь — святое дело.

— Хорошо, передам. Адрес, телефон?

— Все в конверте.

— Понял. А там жена, дети есть?

— Жена уехала в Европу. Детей нет.

— А ты уверен, что мать жива?

— Уверен-уверен! Я позвонил Пашке, хотел с днем рождения поздравить... Ну и узнал...

— Слушай, а перевод послать не проще было бы?

— Да нет, не проще. Мало ли, на почту пойдет старуха, ее и ограбить могут, мало ли... А ты

уж не сочти за труд, тем более она живет в двух кварталах от тебя.

— Все! Нет вопросов, передам.

— Соскучился по семье-то?

— Конечно, больше двух месяцев дома не был. По дочке очень скучаю... Растет фактически без отца...

— А ты надолго?

— Может, и насовсем.

— Как? — побледнел Юрий Викторович.

— Да вот предлагают в Москве в головной конторе поработать.

— Федор Федорыч, ты что! Здесь же без тебя все может прахом пойти...

— Ну уж и прахом... По-моему, я тут все хорошо отладил. И ты на что? Кстати, пока меня не будет, ты пригляди за Хлыновым. Он мужик толковый, но чересчур горячий, как бы дров не наломал.

— То есть ты еще вернешься?

— Ну а как же! Даже если останусь в Москве работать, все равно не брошу на произвол судьбы то, что сам создал практически с нуля.

— Эх, Федор Федорыч, не чиновный ты человек, тебя в Москве сожрут!

— Подавятся, — невозмутимо ответил Федор Федорович.

— Так ты уже решил?

— Ну, в общем... А впрочем, поглядим, что там и как.

— Сам же говоришь, тут все с нуля...

— То-то и оно. Пора еще где-то с нуля начинать, пока еще силенки есть и запал не исчез.

— То есть...

— Отстань, Юра, сам еще ничего не знаю.

В этот момент заглянула секретарша:

— Юрий Викторович, вас там обыскались...

— Иду! Ну, Федор Федорович, бывай!

— И ты! Как передам конверт, свяжусь с тобой.

— Спасибо!

Федор Федорович Свиридов лукавил, говоря, что соскучился по семье. Скучал он только по дочке, даже не столько скучал, сколько чувствовал угрызения совести в связи с нею. Кем ее вырастят эти бабы, жена и теща? Жену он не любил, а тещу вообще ненавидел. Жена Вера, красивая блондинка, наверняка ему изменяет,

как-то отстраненно и холодно думал он, впрочем, и он не хранил ей верность. Мы оба живые люди, вернее, организмы, я бываю в Москве редко, так какие претензии у меня могут быть? Уезжать из Москвы Вера отказалась наотрез, что ж... Пусть. А дочке уже восемь лет, боюсь, она уже многое понимает. Я общаюсь с ней по скайпу часто, она хорошенькая и умненькая, ей важно знать, что у нее есть папа и мама, ну и ладно. Значит, так и будем жить. Хотя если меня переведут в Москву... наверняка с большим повышением. Вера этому обрадуется. Нет, не моему постоянному присутствию, а повышению по службе. Будет хвастаться перед подружками... Потребуется переезда в новую большую квартиру, хотя и сейчас у нас квартира хорошая. Будет канючить... Тоска! Нет, лучше попрошусь на какой-нибудь дальний объект, хоть в Африку...

Все эти мысли одолевали его в самолете. Жену он всегда предупреждал о своем приезде, чтобы не попасть в положение мужа, внезапно вернувшегося из командировки. Встречать в аэропорт она не приедет, но дома его будет ждать хороший обед и бурные ласки, которые должны

свидетельствовать о неукоснительной верности истосковавшейся супруги. Ха! Ну что ж, бывает и хуже.

Из головного офиса за ним прислали машину. Ого! Значит, повышение явно будет. Что ж, это неплохо. Впрочем, проживем-увидим, что от меня за это потребуется.

Жена повисла у него на шее.

— Феденька! Приехал! Как я соскучилась, если б ты знал!

— А где Сашурка?

— На даче, с мамой, — многозначительно-томным голосом проговорила жена. — Ну, мы же так давно не были вместе, Федечка, я уж вся извелась без тебя.

Непохоже, подумал Федор Федорович, но промолчал.

— Ну садись, ты небось голодный? Как ты там вообще питаешься?

— Нормально питаюсь.

— Скажи, а ты надолго к нам?

— Боюсь, надолго.

— Недельки на две?

— Да нет, может статься, что и насовсем. Переводят меня в Москву.

Жена побледнела, но тут же попыталась сыграть радость несказанную.

— Правда? Наконец-то! Счастье-то какое! Вот Сашурка-то обрадуется! А что ты тут делать будешь? В министерство пойдешь или...

— Этот вопрос еще будет решаться.

— Но ты на свой объект уже не вернешься?

— Вернусь, конечно, надо же будет передать дела и вообще... Я ж его не брошу.

После действительно вкусного обеда жена начала ластиться к нему вполне недвусмысленно, а он был еще достаточно молод, чтобы не остаться равнодушным к ласкам красивой женщины.

Вечером он позвонил по телефону, данному Юрием Викторовичем. Ответил женский голос, какой-то неуверенный, как показалось Федору Федоровичу.

— Алло, я вас слушаю!

— Добрый вечер! Могу я поговорить с Елизаветой Марковной?

— Я у телефона. А вы кто?

— Елизавета Марковна, я к вам по поручению Юрия Коломенского.

— Юра Коломенский?

— Ну да.

— А разве он... в России?

— Да-да! Мы с ним вместе работаем и он просил меня передать вам кое-что в память о... его друге.

— Да? Это очень мило с его стороны. Он звонил мне недавно. Но я почему-то решила, что он за границей.

— Елизавета Марковна, вы позволите завтра в первой половине дня зайти к вам?

— Разумеется. А как вас зовут, голубчик?

— Федор, Федор Свиридов.

— А по батюшке?

— Федорович.

— То есть Федор Федорович?

— Совершенно верно.

— Федор Федорович, если вас не очень затруднит, могли бы вы прийти часиков в одиннадцать?

— Да, очень хорошо! Я живу в двух кварталах от вас. Ровно в одиннадцать буду. Адрес у меня есть.

— Бесконечно вам благодарна.

— Да не за что. До завтра.

— Куда это ты с утра завтра намылился? — полюбопытствовала Вера.

— Юрка Коломенский попросил передать какие-то документы матери его покойного друга. А уж оттуда на дачу, к Сашурке.

— Феденька, а у тебя отпуск-то будет?

— Конечно. Может, махнем куда-нибудь к морю? Шурка говорила, что научилась плавать. Да и вообще, хочется погреться на солнышке.

— Хорошо бы, но...

— Какое «но»?

— Видишь ли, Федя, мне врач не рекомендовал пока ехать на юг.

— Врач? А что с тобой?

— Ничего особенного... Это по женской линии... Сказал, в этом году лучше не надо... Может, ты вдвоем с Шуркой поедешь?

— Даже так? Что ж, поеду, — в душе Федор Федорович возликовал. Поехать к морю вдвоем с дочкой — просто мечта.

— Но если она будет тебе в тягость, возьми с собой маму.

— Маму? — взвился Федор Федорович. — Чтобы я там утопился? Да ни за что на свете! И как это Шурка может мне быть в тягость?

А маму свою... отправь в какой-нибудь санаторий. Пускай там со старперами сюсюрится!

Федор Федорович и вообще-то терпеть не мог свою тещу, по многим причинам, но особенно, до зубовного скрежета, его раздражали некоторые ее словечки, такие как, например, «сюсюрики» и производные от него, а еще «кукусики». В устах тещи эти слова могли означать все что угодно. Иной раз, когда к Шурке приходил кто-то из детишек и они не в меру резвились и шумели, теща говорила снисходительно: «Ну и что? Пусть кукусики посюсюрятся!» Федор Федорович готов был ее убить. Впрочем, теща отвечала ему взаимностью. И за глаза говорила о нем «серость непроцарапанная!». Она была твердо уверена, что дочь ее достойна куда лучшего мужа, более богатого, более гламурного, или, по крайней мере, знаменитого.

Утром Федор Федорович тщательно побрился. И вышел из дому за полчаса до назначенного времени, хотел по дороге купить цветы. Он подумал, что старой женщине это будет приятно. Интересно все-таки, почему Вера отказалась

ехать на юг? Он как-то слабо верил в запрет врачей. Скорее уж у нее какой-то роман и она жаждет сбегать мужа и дочку. Ну что ж, сделаю вид, что поверил. А поехать к морю вдвоем с дочкой — просто идеальный вариант. Он думал обо всем этом как-то отстраненно, холодно. Как-то это все, вероятно, неправильно... Неправильно не ощущать даже укола ревности, разве что легкую брезгливость... которая, впрочем, не помешала ему вчера днем, а потом еще и ночью воспользоваться своими супружескими правами. Нужна женщина, так почему бы и нет?

— Федор Федорович? — донеслось из-за двери.

— Да! Елизавета Марковна, это я!

На пороге стояла пожилая женщина со следами былой красоты на безнадежно увядшем интеллигентном лице и неуверенно улыбалась.

— Здравствуйте, проходите, пожалуйста, в комнату. О, вы с цветами... Это мне? Как мило... Хотите кофе?

— С удовольствием, — неожиданно для самого себя согласился Федор Федорович.